

Е.Д. Кускова (1869—1958)

А что внутри?

I

Глубоко взволновали русскую эмиграцию доклады Пит. Сорокина. Корреспондент газеты «За Свободу» пишет, что в Праге эти речи произвели ошеломляющее, паническое впечатление.

Да, есть от чего власть в панику... Там, внутри, не раз охватывало нас за это время паническое состояние. И вовсе не личные ужасы придавливали больше всего. А вот это сознание, что в огне разложения горит что-то основное, сгорает душа народа, искажается уродливой гримасой лик человеческий, – это сознание было мучительно; оно придавливало, принижало дух.

Первые годы некогда было всматриваться в глубину процесса. Во-первых, была по нервам гражданская война и ее эпизоды, во-вторых, тогда было очень немного прозорливых людей, которые считали бы поход большевиков на Россию длительным. Большинство думало иначе: тяжело, страшно, но непрочно, преходяще. Разве может такая уродливость истории быть длительной?

Оказалась очень длительной... Большинству, миллионам русских людей, не могущих исчезнуть, бежать, скрыться, пришлось приспособляться, пришлось ради сохранения жизни и возможности существования сломить себя, откинуть в сторону свои симпатии, привычки, потребности и подчиниться неумолимому, неизбежному.

Лишь немногие люди, единицы, какими-то судьбами сумели оградить свою независимость. Остальные – подвергнулись не только внешней, но и внутренней трансформации.

Многие люди стали неузнаваемы.

Если прибавить к этому, что этот процесс трансформации задевал не отдельные кусочки психологического и бытового уклада – что он был всесторонним, всеобъемлющим, то произведенные им глубокие перемены станут очевидными.

Совсем, однако, другой вопрос, можно ли уже теперь, сейчас суммировать, делать выводы о «нравственном и умственном состоянии современной России», как это делает Пит. Сорокин. Думаю, что в такой категорической форме, в какой решается это делать он, – такие обобщения преждевременны.

Покойный П.А. Кропоткин писал: «Занимаюсь этикой, уверен, что усилия отдельного человека сейчас ничего не значат. Встряска масс – огромна, индивидуальное масс – еще не выявилось». Совершенно верно. Встряска масс – колоссальна.

Но еще нет ничего кристаллизовавшегося, того индивидуального, что дает определенность личности, группе, партии, классу.

А без этого индивидуального, всего того особенного, что отложится в переживаниях масс, как результат революции, и что можно уже будет принимать, как данное, как слагаемое, – трудно делать широкие обобщения. Видя только оболочку, нельзя говорить о том, что там, внутри. А сейчас именно «оболочка» играет в Совдепии совершенно особенную роль: с одной стороны она служит щитом, прикрытием, и в этом своем качестве принимает цвет защитный, а не тот, который соответствовал бы внутреннему содержанию; с другой – эту оболочку трудно сорвать, раскусить – нет орудий и средств для ее

раскрытия, – ни свободной печати, ни обучения, ни какого бы то ни было выявления свободных стремлений и чувств. О многом приходится догадываться, – а во всякой догадке есть так много субъективного. Поэтому сейчас для эмиграции, – не говорю уже для России, – особенно большое значение имеет точное установление фактов, описание, добросовестное и беспристрастное, не тенденциозное, того, что есть, и затем – крайне осторожное отношение к выводам, обобщениям; необходима постоянная проверка и фактов, и обобщений, собирание самых разнообразных свидетельских показаний и новая проверка их. Может быть, при таком осторожном обращении с больной Россией меньше будет паники, придавленности, больше вдумчивости и больше веры в то, что за страшной оболочкой не все сгнило, что под ней еще сохранилось здоровое ядро, могущее на иной почве пустить здоровые ростки.

А ведь эта вера нам так необходима! Можно ли без нее жить, работать, к чему-то стремиться?

Мне думается, что именно с этой точки зрения «оставления надежды» доклады Пит. Сорокина и то, что напечатано в IV и V книжках «Воли России», несколько неосторожны и уже во всяком случае допускают поправки и возражения. Есть также в его докладах и та специфическая тенденциозность, которая так свойственна многим по отношению к Советской России.

Как свидетельница, могу сказать, что эта тенденциозность живущих в России оскорбляет, возмущает. «У нас и так моря горести, зачем же еще прикрашивать, преувеличивать?»

Такие речи после чтения заграничной информации можно услышать нередко. Помню, как-то приехал из-за границы П.И. Бирюков. Его выслали тогда из Швейцарии. За что? Спрашиваем. «За то, говорит он, что я резко протестовал на митинге против одного докладчика. Понимаете, он рассказывал, что большевики, борясь с религиозными заблуждениями, в одном из монастырей зарезали архимандрита-настоятеля, изрубили его, сделали котлеты и заставили монахов их съесть.

Я и кричал: Неправда, неправда, этого не было! Не было! А когда я вышел с митинга, многие из русских не подавали мне руки, как защитнику большевиков». Я не знаю, за что выслали из Швейцарии Бирюкова. Но совершенно уверена, что из архимандрита большевики котлет не делали и монахов ими не кормили. В другой раз член английской делегации д-р Гест, посетивший общественную организацию, Лигу спасения детей, спросил меня: «А правда ли, что в большевистских детских приютах... родится очень много детей? У кого? Переспрашиваем. «В Англии, отвечает д-р Гест, одна русская читала доклад о России. В нем она говорила, что все дети в приютах сплошь заражены сифилисом и что у них (у детей!) благодаря тому, что в приютах содержатся мальчики и девочки вместе, родится преждевременно много детей». Мы спросили д-ра Геста, г-жу Сноуден и г-жу Банфильд, – как фамилия этой докладчицы, но никто из них ее не помнил. Мы постарались им объяснить, как обстоит дело на самом деле. Вот мне кажется, что привкус этих легенд о большевизме есть и в докладах Пит. Сорокина. Перейдем, однако, к фактам.

II

Начнем с непоправимого. «Одним из результатов половой вольности, – пишет Пит. Сорокин, – является громадное распространение венерических болезней и

сифилиса в населении России (5% новорожденных – наследственные сифилитики, 30% населения заражены этой болезнью)».

Если 20–30% населения вымрут от голода и гражданской войны, а из оставшихся 30–35% будет заражено сифилисом, то... возможно ли возрождение этой сгнившей страны?

Обращаюсь к одному в высшей степени компетентному врачу, только что приехавшему из России, с вопросом: точны ли цифры Пит. Сорокина? Неточны, безусловно. Во-первых, – откуда он их взял? Ссылки нет. А вот что говорит врач. «По долгу моей службы я должен был собрать цифры заболеваний сифилисом и потому обращался к сифилидологам с просьбой дать сведения о распространенности этой болезни. Они решительно отказались признать какую бы то ни было цифру точной, никто такой статистики не ведет и вести не может. Но на глаз, по записям в амбулаториях, по собственным приемам они устанавливают цифру распространения этой болезни в 8–10%, не более. До войны заболеваемость равнялась 2%.

Локализация в отдельных местах может быть очень велика.

Всем памяты описания В.Г. Короленко отдельных уездов Нижегородской губернии, в которых целые деревни поголовно были заражены сифилисом. Но общая распространенность равнялась 2%. И на Западе, и у нас война, солдатчина, нарушение семейной жизни должны были сильно повысить процент, так всегда бывало после крупных войн. Но то, что можно сейчас установить, не превышает 8–10%.

Таково сообщение компетентного врача.

Итак, есть цифра в 30% и цифра в 8–10%.

Разница настолько велика, что, несомненно, требуется серьезная проверка цифры Пит. Сорокина и показаний врача.

Странная вещь! Приходится остро относиться к «проценту». Кто раньше обращал внимание – 2 или 3 или $1\frac{1}{2}$? Теперь всякий понимает, что как раз в этих-то процентах и лежит наша гибель или спасение. Судите сами – 30% зараженной сифилисом нации! Как же не бросаться за проверкой?

Теперь о разврате молодежи. Пит. Сорокин приводит, напр., такие ужасающие примеры, как две обследованные в Царском Селе детские колонии, питомицы которых были все сплошь заражены гонореей. Девочки в 86% – дефлорированы, живут с комиссарами и т.д. и т.д. Затем уже просто недопустимое сообщение: «Отдельные члены коммунистической партии вплоть до лиц, занимавших очень высокие посты в Нар. Ком. Просвещения, взялись за борьбу с половыми предрассудками «экспериментально», путем публичного развращения институток и гимназисток».

Во-первых, я даже не понимаю, что это значит – публичное развращение...

Просто не понимаю.

Во-вторых, такое сообщение требует названия имен сих лиц, занимающих высокие посты. Безымянно как будто бы – невозможно... Слишком тяжкое обвинение, и имена должны быть, безусловно, названы. Кто такие? Когда? Где? Коммунисты слишком гнусно, без совести и чести клеветают на нас, так называемых контрреволюционеров. Никто из нас не может следовать этой тактике по отношению к ним. Наоборот: сугубая правда и сугубая осторожность должна проникать все наши сообщения.

Теперь по существу. Мне $2\frac{1}{2}$ года пришлось работать в «Лиге спасения детей». У Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды. Детей мы брали всякого возраста и, безусловно, с улицы.

Во главе нашего учреждения стояли видные врачи, покойный Дорф, проф. Тарасович, проф. Диатропов, Н.М. Кишкин. Дети постоянно свидетельствовались всесторонне. Были золотушные, малокровные, рахитики. Но совершенно не было сифилитиков и зараженных гонореей.

По делам Лиги нам приходилось связываться с колониями и приютами большевистскими. «Родившихся детей от детей» мы там не наблюдали. Были вещи, для нас абсолютно неприемлемые, вроде введенного в систему шпионажа детей за воспитателями, запрещения молитв. Были и другие вещи, вроде грязи, распущенности, иногда голода, воровства и пр. Но тут же нам пришлось установить факт: нельзя говорить просто о большевистских учреждениях. Надо говорить о таком-то конкретно. Ибо все зависит от персонала, его подбора, его добросовестности. Мне лично приходилось видеть детские дома, превосходно поставленные, руководимые такими опытными московскими педагогами, как М.Х. Свенцицкая или приют для дефективных детей д-ра Кащенко и многие другие. В общем, большинство домов поставлено плохо, с подхалимским, необразованным, жадным и вороватым персоналом. Но едва ли две обследованные колонии Царского Села могут служить образцом для умозаключений обо всех остальных. Во всяком случае, следует отличать при этой характеристике вещи, сознательно привносимые большевиками в это дело, и вещи случайные, зависящие от хаоса и неустроенности жизни вообще, а, следовательно, такие, которые могут быть при всяком режиме.

Принципы, привносимые большевиками в дело воспитания, – отвратительны. Вот уже указанный выше прием – приучение детей всех возрастов к шпионажу, к подслеживанию, к доносительству и даже лжи. На одном собрании педагогов один из коммунистов заявил: мы должны приучить детей говорить всю правду своим и лгать врагам. Я лично была на этом собрании и отлично помню, какое возмущение вызвала эта формулировка даже среди коммунистов-педагогов. Запрещение религиозных обрядностей также приучает детей ко лжи. Мне опять-таки лично приходилось видеть, как дети большевистской колонии прятали крестики в башмаки, – чтобы не заметили воспитательницы, которые при поступлении обязаны дать подписку не допускать обрядностей и вести антирелигиозную пропаганду. Кроме того, посещающие колонии родители нередко шепчут благословения, крестят его, и маленькая душа трепещет, бьется в противоречии – а где же правда? Тут, или в семье?

Есть и еще дикие вещи. Так, напр., при распределении детей из сборных пунктов в разряд «дефективных» записывались дети, проявившие склонность к... торговле! На наш вопрос, обращенный к исследователю врачу, – что же это за «дефект», последовал классический ответ: «так ведь это – атавизм; теперь ведь здоровыми мы считаем лишь коммунистические навыки и чувства». Это было в 20-м году.

Как-то теперь, при нэпе, – эти склонности мальчишек к продаже на Арбатской площади спичек толкают их в разряд «дефективных» или нет?

Но суть-то в том, что такой маленький атавист-продавец действительно попадал в дефективный приют и часто заражался там теми пороками, которых у него не было и в помине.

Приводя эти примеры и факты, я не решилась бы сделать из них какого бы то ни было общего вывода. Во всяком случае, мои наблюдения, очень широкие благодаря моему положению в Лиге спасения детей, не дали бы мне права сделать обобщение, которое делает Пит. Сороки: «Война и революция не только ослабили молодежь, но и развратили ее морально и социально».

И вот почему.

Конечно, недоедание, часто даже голод, холод, болезнь, отсутствие здоровой школы, – все это губительно действует и на физику, и на дух. Есть много воришек, мошенников, ругательников, развратников. Какой процент – не берусь определить, да и никто его не определит. Есть и еще одно следствие – материализм, практицизм, отсутствие идеальных стремлений в жизни. Один из наблюдателей-психиатров, д-р Сегал, сделал следующее наблюдение над детскими народными судами: почти все преступления, совершенные детьми и юношами за эти годы, – грубо материального свойства: украл, ранил в драке из-за дележа «добычи», «прибыли», избил за обман в торговле, нанес рану за «обвес» и т.д. Д-р Сегал не наблюдал ни одного случая ссоры или драки из-за ревности, любви, т.е. чувств более или менее идеалистических.

А раньше, до войны по его же наблюдениям, эти юношеские преступления на почве ревности и любви были нередки. Теперь же к этим вещам относятся просто, спокойно: разлюбил? Изменил? Другую, другого найду.

Чем объясняется такой материализм?

Проф. Сорокин, вероятно, согласится со мной, что дети в России несут сейчас огромную работу по поддержанию жизни своей и семьи. С юных лет они совершают громадную работу. Я знала семью из двух дочерей 3-х и 6-ти лет и матери-служащей. Детей невозможно было устроить в детском учреждении – все переполнено, и вот картина: мать уходит с утра на службу. Шестилетняя стережет квартиру и трехлетнюю сестренку. Затем в час дня она запирает на замок крошку и идет в бесплатную детскую столовую. Там обедает сама и берет обед для сестренки; заботливо несет, кормит... Если хорошая погода – ведет в столовую ее, запирая квартиру. Вечером помогает матери растопить печь, чистит картошку и пр. Худенькие ручки и печальные, недетские глаза. Эту картину не всегда можно было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм.

В Лиге спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлебца, чтобы отдать на свидании... маме или другой сестренке!

Разве это не высоко нравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15–16-летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши... Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди вьюги и мороза... Это – плоды своеобразного естественного отбора. Отбора для труда, а не для разврата. Нам в Лигу пришлось взять из Чрезвычайной Комиссии трех девочек В.М. Чернова; одну – 10 лет, истощенную голодом, угрозами «расстрелять мать, если не скажет, где отец», – болезненную. И двух других – 16 и 17 лет. Их мы приспособили в Лиге для труднейшей работы с малыми детьми. Что это были за работницы! Ответственные, старательные, так тонко разбирающиеся в психологии подведомственных им крошек. И таких у нас перебивало не мало. Вспоминаю их лица...

Эти глаза, старающиеся вникнуть в происходящие безумные события, понять и связать факты.....

Я уже не говорю о таких прекрасных учреждениях, как школа-гимназия и колония покойных Алферовых. Там дети даже жизнерадостны. Они учатся, ведут обширные физические работы, поют, играют, связаны крепкой солидарностью. Никакой распущенности, а тем более разврата. Пришпоренные семьи больше, чем раньше, вмешиваются в дело, больше следят за детьми и за школой.

Вот эта необходимость труда, отсутствие мамок и нянек, необходимость обо всем подумать самим и даже позаботиться о других, – это так компенсирует окружающие мерзкие влияния, так закаляет и укрепляет личность и так стирает эту проклятую русскую лень, никчемность и разгильдяйство, что всему этому можно только сочувствовать и ждать нового, отнюдь не в порочном смысле. А материализм при этих условиях разве не понятен?

Мне пришлось ознакомиться на деле Комитета помощи голодающим с большой детской организацией бойскаутов. Что это были за дети! Что за слуги и помощники Комитета! Приходится только удивляться, как среди миазм и болот могут расти столь прекрасные цветки, с такой чуткой детской душой, направленной к тому, чтобы непременно, непременно сделать «шесть или восемь хороших дел в день...» И делали, и старались.

Вспоминаю. Нет, ничего этого не было при самодержавии. Нет, не было. В этом огне что-то плавится, что-то крепнет, уже осязаемое, видимое, не выдуманное.

Того обобщения, которое пытается сделать проф. Сорокин, сделать нельзя.

Больное и здоровое сейчас перемешано. Результат – еще без подсчета.

Слишком рано, обращено внимание пока только на порчу, не все видят процессы самооздоровления организма, без лекарств, без посторонней помощи. Быть может, самое прочное и самое совершенное.....

Есть еще немало замечаний по поводу доклада и статей Пит. Сорокина. Но о них – в следующий раз. Как все-таки хорошо, что приехали из России долго там жившие, много и тяжело работавшие, много думавшие люди!

Несут они кусочки России, хорошие и дурные, несут, стараясь показать их другим, не видевшим. Пусть только показывают больше, больше, полнее и разнообразнее. А вот из этих кусочков мы сложим ее, Россию, родину нашу, сложим все вместе и – будем знать, что делать дальше.

Воля России. 1922. № 6